

TERRA UTOPIA: ХРЕБТЫ И ПЛАТО

А. А. Дыдров

Объектом данной статьи являются дискурсы утопии дистопии, а предметом — территория, земля созданных литературных миров. Философами изучались социальное целое утопии и дистопии, тело и внутренний мир человека утопии и антиутопии, но территория фактически не попадала в поле зрения исследователей. Между тем, именно территориальное положение нуждается в изучении, а означающие, связанные с локусами утопии и дистопии, не являются «случайными». Роль означающих места, границы, ландшафта, гористой, равнинной местности, нельзя свести к роли фона, на который можно не обращать внимания. Ландшафт, складки, хребты и плато — это условия жизни. Описание локуса утопии и дистопии образует консонанс с описанием человека — обитателя земель. Образ человека — коррелят образа земли.

Ключевые слова: утопия, человек, территория, ландшафт, равнина, гомогенное, гетерогенное.

В очерке «Расиновский человек» французский структуралист и постструктуралист Р. Барт обращает внимание читателя на locus трагедийного действия. В трагедиях Расина, по утверждению Р. Барта, три «Средиземноморья», а также «комплекс» воды, пыли и огня. Границы Средиземноморья «сжимаются», образуя складки вокруг пика, — Покоев. Дворец — *sancta sanctorum* трагедии. Во дворце всегда есть потаенное место, дверь, скрывающая от любопытных взоров секреты обитателей, а также преддверие. В «пред-дверии» томится, ожидают, волнуются и трепещут [1, с. 143—145]. Область трагедии — складчатая. Locus действия — это подъемы и спуски, череда равнин, холмов и гор. В замкнутом мире (Дворце, Покоях), препятствующем проникновению чужеродных элементов, складки собираются ничуть не менее (если не более) интенсивно, нежели вне локации. Фразовые комплексы включают в себя многочисленные обозначения таких восхождений и падений, побед и поражений, спокойствия и буйства, человеческого и животного, цивилизованного и дикого. Возможно ли помыслить трагедию или комедию другими, — равнинными? Язык комедии и трагедии — это язык столкновений, коллизий, язык антитез, антиномий, парадоксов. Напряженное молчание того или иного персонажа может звучать сильнее любого крика. Оно указывает на предстоящие события, на готовность перипетий вторгнуться в мир тревожного ожидания. Наличие гористой местности, несмотря на изложенное выше, — не «прерогатива» трагического. Чередование оврагов и хребтов наблюдается и в комедии. В дискурсах комедии и трагедии не трудно увидеть игру контрастов, столкновение противоречий, размытое изображение гористой местности с ее резкими спусками и утомительными подъемами, словно сообщающее: «I got your back».

По крайней мере, одну из локаций — локацию утопии — хочется признать местом «отдохновения». Если локус трагедии — место, откуда, чтобы спастись, нужно бежать, «выжженная земля», то локус утопии — плодородная земля, Мать-Земля. Обильного урожая *terra utopia* хватает даже чужаку. Чужеродный организм в утопии не умрет от голода. Утопия — «при-станище» путешественника, брошаемого волнами жизни из стороны в сторону. Уто-

пия — воплощенная гармония со-бытия с другим. В классической литературной традиции гомогенность социального поля соответствовала ландшафту утопии — территории, участки которой повторяют друг друга, тождественны по микроклимату, форме рельефа и т. д.

Территория утопии имеет границы, но эти границы — пространственные, а не временные. Предполагается, что совершенство социального устройства имеет время рождения, но не имеет времени смерти. Дискурс утопии в этом смысле контрастирует с дискурсами О. Шпенглера, В. Я. Данилевского, А. Тойнби и других социологов, кажется, призван подорвать уверенность ученых в том, что любой цивилизации суждено погибнуть. Локус дистопии (именно она открыто противостоит утопии) — выжженная земля, руины, обломки могущества человека. Земля *dys-topia* поражена грибом антропогенных и природных катастроф («постапокалиптика»), вспахана Машинной Войны («тоталитарные» дистопии), превращена, по выражению М. Хайдеггера, в гигантскую бензоколонку [9] («потребительские» дистопии). *Terra dystopia* имеет границы, прорываемые как снаружи, так и изнутри. В тело дистопии постоянно проникают чужеродные организмы, и в теле дистопии они зарождаются. Вирусами являются как индивиды (Д-503, У. Смит, мистер Мак-Кинли, Логан, Дикарь), так и группы лиц («Мефи», движение сопротивления Юргена). Земля дистопии бесплодна. Бесплодность — результат катастрофы и жесткой политики. Даже демократический режим не всегда является гарантом продуманной политики, рационального использования природных ресурсов (в США будущего пахотные земли поливались газированной водой — «Идиократия»).

На пограничье утопии, напротив, безопасно. Крайне редки и не состоятельны угрозы прорыва границ, деформации тела утопии. Путник у Т. Мора начинает рассказ с описания скал, окружающих Утопию [6, с. 143—144]. Эти скалы — гаранты спокойствия и стабильности. Выбор Утопом территории для основания поселения, определение места на карте — это фундамент мудрой политики.

Землю утопии можно уподобить полю, а жителей — всходам. На этом поле нет участков, земли которых не давали бы урожая. Элементы утопии

гомогенны. Это ярко иллюстрирует «Золотая книжица» Т. Мора. Всего один из городов — Амаурот — образует своего рода «складку» на равнинной местности. Столица — политический центр. Эта складка разглаживается в процессе повествования Гитлодея. Путник уверяет: куда бы ни отправился человек, повсюду «внешность» городов одинакова. Но типичная, лишённая специфики структура поселений — это лишь одна сторона медали. Гомогенность социального поля («язык, нравы, учреждения и законы у них [жителей — прим. А. Д.] совершенно одинаковые») — другая ее сторона.

Наиболее сильные складки образуются за пределами *u-topos*. Это ни что иное, как складки прошлого, гористые ландшафты варварского мира. «У нас нет нечистых мыслей, присущих эпохе насилия» — таково убеждение жителей Мирового Советского Государства [7, с. 228]. Однако от прошлого можно обособиться, используя для этого Стену [3], а также естественные объекты. Единственными складками Утопии являются скалы, окружающие островное государство, горы, не позволяющие прошлому беспрепятственно смешиваться с настоящим. Перипетии, коллизии, подлинная драма жизни, — все это за горами. Горы — защита и граница, сплошная черта, обособляющая гомогенное от гетерогенного, порядок от хаоса.

Гетерогенность территориальных единиц и социального поля — внеутопическое, существующее за. Эта разнородность, поляризация старого мира выражается антитезой «старого англичанина» — персонажа утопии Л. Мерсье. Противопоставление алмаза и навозной кучи — одна из поразительных и удачных антитез в мировой литературе: сияющее — гниющее, творение рук человеческих — вторичный продукт животного, продукт труда — результат органических процессов, воплощение роскоши — воплощение гнусности и низости и т. д. Для социального поля утопии характерна не только координация деятельности индивидов и социальных институтов. Автор «Год 2440» прямо указывает на отсутствие складок, гор и оврагов. Куда бы ни пытался скрыться преступник, везде его будут знать лишь как преступника, как пытавшегося разрушить *constitution* [5, с. 45]. Убийца подобен одинокому дереву, возвышающемуся над равниной (какой из городов захочет принять в свое лоно преступника?). Перманентная смена локаций не приводит ни к чему: повсюду один и тот же город, везде одни и те же люди, охраняющие порядок.

Выраженные суждения, вне сомнения, до известной степени карикатурны. Их нельзя признать ложными, но и истинность их может быть поставлена под сомнение. Утопия — антипод трагедии? В дискурсе утопии не отображаются никакие коллизии? Разглаживаются все складки? Верным представляется иное: дискурс утопии ведет двойную игру. На равнинной местности (гомогенном социальном поле, ландшафте, рельефе), где почти невозможно отличить одного человека от другого и одно поселение от другого, тоже образуются складки — происходят преступления и совершаются казни. Сами означающие преступления, преступника, казни, раскаяния — тектонические разломы

утопии. Утопия могла бы разломиться, но всегда восстанавливается. Каким образом разрешается противоречие гомогенного и гетерогенного, спокойствия и возмущения? Преодолеваются ли антитезы «горы» и «равнины», статичности и тектонических сдвигов? Задача преодоления противоречий лежит на оправдании. Роль оправдания велика. Персонаж, сожалеющий о казни преступника, указание на то, что жизнь раба едва ли не вольготней, нежели жизнь свободного человека, убийца, бьющий себя в грудь и раскаивающийся в содеянном. С какой бы утопией читатель не начал знакомиться, везде он отметит сосуществование преступности и законопослушания, сознательности и нон-конформизма. Указание на нон-конформизм — один из распространенных способов «обмирщения» утопии. Утопию нельзя обнаружить на карте, однако в человеке утопии, где бы он ни селился, все же остается нечто «слишком человеческое». Идеальный робот, по оценке персонажа рассказа П. Буля, есть робот, совершающий ошибки [2]. Таков, по-видимому, и совершенный человек — человек, оставивший за собой право на ошибку. В трагедии ошибка (убийство, слепое мщение и т. д.) является своего рода критической температурой, накалом и пиком. Ради ошибки (и не всегда — ради исправления которой) завязывается сюжет. Собственно говоря, такова же роль ошибки и в комедии. В утопии, напротив, человеческая природа уходит в тень, на ошибку лишь намекают, но никогда не выпячивают. Ошибкой, как правило, предваряют утопию. Ее сюжет никогда не завязался бы, не будь на равнинной местности гористых складок, не будь извечного противоречия алмаза и навозной кучи. Достаточно уже того, что у человека по-прежнему остаются его страсти, против которых Ш. Фурье (и не только он) отказывался бороться, ибо любой утопический проект разбивается об иррациональность [8].

Не удивительно то, что путешественник (равно как и заснувший) имеет дело с цельным, «собранным» человеком. Цельная, гармоничная личность — проводник по незнакомому, но легко познаваемому миру — миру, в котором нет места «саморазорванному» и «самопротиворечивому» (выражение К. Маркса [4, с. 386]), нет места детонирующему плюрализму. Напротив, горельефной фигурой дистопии является человек разломленный, испытывающий муки от столкновения литосферных плит — плит тела и духа. В дискурсе дистопии оправдание преступника сопряжено с обвинением порядка, сохранение осколка — с признанием непрочности целого. В дискурсе утопии и оправдание, и обвинение преступника сопрягается с оправданием порядка. Слезы преступника и кровь на его рубашке (Л. Мерсье) — не случайные детали, которые можно отбросить без всякого ущерба для целого. Это знаки-индексы, «индикаторы» подлинного раскаяния, лучше любых слов указывающие на срастание разорванного, на заживление раны. В дискурсе утопии человек, нанося раны социальному целому, наносит их самому себе. В определенном смысле преступника в утопии можно назвать бичующим самого себя. На что же еще указывают слезы и кровь, как не на крайнюю разочарованность индивида в самом

себе, в своих силах? Индикаторы раскаяния, конечно, возникают в дистопиях. Однако преступник не бичует себя, а является мучеником, *претерпевает, страдает*. Авторы дистопий с изощренностью фантазии описывали орудия насилия — механический пес, устройства комнаты № 101, Колокол и Машина Благодетеля, каллокаин и т. д. Над преступником в обществе дистопии некто вершит правосудие. Этот «некто» — вовсе не глас совести.

В дистопии уязвимыми являются границы: Зеленая Стена (Е. И. Замятин) как будто создана лишь для того, чтобы ее преодолели или, более того, — образовали в ней брешь, впустив «варварский» мир и смешав порядок и хаос, заорганизованность и дезорганизацию, закономерность и случайность. Демонтаж Стены — не только известная совокупность действий. Крушение Стены символично. Земля утопии избавлена от несанкционированных вторжений, а вплетенные в ткань означающие складок гор и являются индикаторами стабильности, защиты, обороны порядка от хаоса.

ДЫДРОВ Артур Александрович, канд. филос. наук, доцент, кафедра философии и социологии, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия). Научные интересы: философские дискурсы о человеке будущего, трансгуманизм и иммортология, утопия и дистопия. E-mail: zenonstoik@mail.ru

Поступила в редакцию 3 декабря 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Humanities and social sciences»
2015, vol. 15, no. 1, pp. 110—112**

TERRA UTOPIA: RIDGES AND PLATEAUS

A. A. Dydrov, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
zenonstoik@mail.ru

The object of this article are the discourses of utopia, dystopia, and the subject — land, land created literary worlds. Philosophers studied social utopia and dystopia whole body and inner world of utopia and dystopia, but the grounds are not actually come to the attention of researchers. Meanwhile, the spatial position of the need to learn, and meaning associated with utopia and dystopia loci are not «random». Role means a place, borders, landscape, mountainous, plains, can not be reduced to the role of the background, which you can ignore. Landscape, folds, ridges and plateaus — this living conditions. Description of utopia and dystopia locus forms consonance with the description of a man — an inhabitant of land. Image of a man — a correlate of the image of the earth.

Keywords: utopia, people, territory, landscape, plain, homogeneous, heterogeneous.

References

1. Bart, R. Iz knigi o Rasine [from the book of Racine] // Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika [Selected works: Semiotics. The Poetics]. Moscow: Progress, 1989. p. 616.
2. Bul', P. Ideal'nyj robot [Perfect robot] / URL.: <http://www.e-reading.me/book.php?book=85030>
3. Zamjatin, E. I. My [We] // Izbrannoe [Favorites]. Moscow: Pravda, 1989. p. 463.
4. Marks, K. Tezisy o Fejferbahe [Theses on Feuerbach] // Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty [Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 and other early philosophical works]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2010. p. 775
5. Mers'e, L. God dve tysjachi chetyresta sorokovoj [Year two thousand four hundred and forty] Leningrad, 1977. p. 239
6. Mor, T. Utopija [Utopia]. Moscow: Nauka, 1978. p. 415
7. Okunev, Ja. Grjadushij mir [The world to come] // Večer v 2217 godu [Evening in 2217]. Moscow: Progress, 1990. p. 720
8. Fur'e, Sh. Teorija chetyreh dvizhenij i vseobshih sudeb [The theory of the four movements and the general destinies]. URL.: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=school&links=../in/furie/works/furie_w2.txt&img=works.gif&name=utopia
9. Hajdegger, M. Otreshennost' [Detachment] / URL.: <http://www.lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt>

Received Desember 3, 2014